

**ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ Н.И. ПАНИНА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ****

В статье рассматривается историография вопроса о характере и целях политических проектов Н.И. Панина и его сторонников.

Ключевые слова: Н.И. Панин, Екатерина II, дворянский конституционализм, общественно-политическая мысль России XVIII века.

Никита Иванович Панин (1718–1783) вошел в историю не только как глава русской внешней политики на протяжении первых 20 лет царствования Екатерины II, но и как автор проектов политических и административных реформ. В отечественной и зарубежной историографии не существует единой позиции по вопросу о характере его политических взглядов, историки продолжают дискутировать по поводу целей и направленности его проектов. В данной статье мы попытаемся рассмотреть основные точки зрения на характер политических планов Н.И. Панина и выявить особенности дискуссионных разногласий историков.

Первые сочинения, посвященные графу Панину, носили панегирический или сугубо описательный характер [1, с. 279–289; 2, с. 96–108; 3, с. 133–139]. В то же время историки «освободительного» движения начинают мифологизацию деятельности Н.И. Панина и его сторонников, усматривая в ней оппозиционное движение с конституционными целями. Зарождение подобных представлений было непосредственно связано с идеями декабристов, пытавшихся найти в истории России антисамодержавные тенденции, которые предшествовали их движению. Так, в 1839 году М.С. Лунин утверждал, что «Тайный союз не отдельное явление и не новое для России. Он связуется с политическими сообществами, которые, одно за другим, в продолжение более века, возникали с тем, чтобы изменить формы самодержавия; он отличается от своих предшественников только большим развитием конституционных начал». Н.М. Муравьев в комментарии к данному положению указал, что Панин и его сторонники желали «ввести в России умеренные формы правления, подобные шведским» [4, с. 67, 79]. Более подробно о намерениях Панина говорит декабрист М.А. Фонвизин в своих примечаниях к «Histoire philosophique et politique de Russie» Энно и Шеншо, где сообщается, что «граф Никита Иванович Панин и княгиня Екатерина Романовна Дашкова представляли императрице план конституции для России, и что она отвергла его» [5, с. 60]. М.А. Фонвизин, будучи племянником Д.И. Фонвизина и ссылаясь на сведения, полученные им от отца, сообщал подробности этого плана. «Известия» М.А. Фонвизина на долгое время стали основой для

* © Польской С.В., 2012

Польской Сергей Викторович (s.polskoy@gmail.com), кафедра теории и истории культуры Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

суждений о характере политических взглядов Панина, и хотя они были подвергнуты сомнению уже в конце XIX века, но заложили основы для рассмотрения деятельности Панина как особого этапа в становлении «освободительного движения» в России. Однако еще в 1850-е гг. А.И. Герцен указывал на ограниченный, узкий характер всех дворянских проектов, существовавших до декабристов, он прямо противопоставлял их, настаивая, что оппозиция, «которую образовали в царствование Екатерины II несколько вельмож, подобно графу Панину, не выходила из круга строго монархических идей: порою она бывала энергичной, но всегда оставалась покорной и почти-тельной. Направление умов после 1812 года было совершенно иным...» [6, с. 66]. В русле высказываний Герцена оценивает политическое проектирование Паниных и Г.В. Плеханов, полагая, что «политическая оппозиция братьев Паниных была крайне слаба в практическом смысле и мало удовлетворительна в теоретическом», однако «она не осталась без положительного влияния на развитие освободительных идей в России», поскольку «некоторые современники, а в особенности потомки, представляли ее себе гораздо более сильной и деятельной, нежели она была в действительности» [7, с. 212]. Здесь он имеет в виду М.М. Сперанского и декабристов, которые высоко оценивали проекты Паниных на пути «освобождения» России от неограниченного произвола власти.

Со второй половины XIX века вошли в обращение новые источники, позволявшие углубить изучение вопроса. Прежде всего, в 1871 году были опубликованы материалы по подготовке административных реформ 1762–1763 гг., инициатором которых выступал Н.И. Панин [8, с. 202–221]. Чуть позже Е.С. Шумигорский ввел в обращение проекты и записки братьев Паниных начала 1780-х гг. [9]. Фактически в эту эпоху формируются три дискуссионные историографические проблемы, которые активно обсуждаются историками до сих пор. Во-первых, это вопрос о целях и характере проекта Императорского совета и реформы Сената в 1762–1763 гг., он породил самую обширную литературу. Во-вторых, это дискуссия о существовании заговора «панинской партии» в 1773–1774 гг. с целью возведения на престол вел. кн. Павла Петровича и введения «непременных законов». В-третьих, это обсуждение сущности поздних проектов братьев Н.И. и П.И. Паниных и Д.И. Фонвизина 1780-х гг. Чуть позже, в 1930-е гг., Г.А. Гуковский создает дискуссионную концепцию «дворянской фронды» 1750–70-х гг., которая группировалась, по его мнению, вокруг Паниных и была оппозиционной екатерининскому абсолютизму [10]. Суммируя обозначенные в историографии спорные моменты, можно сказать, что центральной проблемой дискуссий является вопрос о целях и характере проектов Н.И. Панина и его сторонников, а также о конкретных проявлениях этих планов в политической и общественной жизни 1760–80-х гг. Большинство исследователей, соглашаясь с тем, что планы «панинской партии» были, несомненно, узко сословными, разделяются в своем отношении к вопросу об ограничении самодержавия.

Первая историографическая традиция, восходящая к работам С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и Н.Д. Чечулина, рассматривает планы Панина как обычные проекты административных реформ, направленных на совершенствование бюрократического механизма российской абсолютной монархии и не носивших какого-либо серьезного ограничительного характера [11, с. 116–117, 134–141]. В.О. Ключевский утверждал, что, несмотря на «тягучее, дипломатически неясное изложение Панина», задуманный им Императорский совет — «чисто совещательное учреждение, нисколько не посягавшее на полноту верховной власти». По его мнению, «верховная власть не ограничивалась, а только сдерживалась практически, самой организацией законодательного дела» [12, с. 63–65]. Н.Д. Чечулин, в свою очередь, берется опровергнуть точку зрения С.М. Соловьева о том, что «Панин настаивал пред императрицу на

утверждении неприятного и подозрительного ей проекта», наоборот, по его мнению, Панин был «лишь исполнителем воли императрицы» и не имел никаких намерений ограничивать ее власть [13, с. 9, 12–14].

Эта точка зрения, с теми или иными уточнениями и нюансами, развивается в исследованиях М. Раева [14, р. 53–54], О.А. Омельченко [15, с. 239; 16, с. 18], А.Б. Каменского [17], И.В. Курукина [18, с. 430, 432], К.Д. Бугрова [19; 20, с. 155–158]. Так, А.Б. Каменский полагает, что проект 1762 года был направлен на создание «устойчивого равновесия политических сил путем закрепления процедуры принятия решений», а «Разсуждение» 1783 г. не содержит «никакой речи об ограничении самодержавия», здесь «речь идет лишь действительно о попытке создания механизма (в действенности которого, впрочем, можно усомниться) предохранения от деспотизма» [17, с. 382, 484].

В новейшем исследовании «политического лексикона» Н.И. Панина К.Д. Бугров активно использует новаторские методы «кембриджской школы», ориентированные на реконструкцию авторских значений понятий в их историческом контексте. Глубокий анализ концептуальных источников и понятийного аппарата политических проектов Н.И. Панина позволил ему сделать интересные обобщения. Однако К.Д. Бугров оказался непоследователен и противоречив в своих оценках: он утверждает, что Н.И. Панин, несмотря на апологию «абсолютизма», пытался создать элементы его «сдерживания» с помощью понятия «фундаментальные законы», которые «включали порядок престолонаследия, совокупность регламентов работы высших административных органов, правовые гарантии подданным Российской империи и относительную автономию судебной власти в лице наделенного правом представления Сената». При всем этом историк утверждает, что «идеология реформаторских проектов Н.И. Панина была монархической и абсолютистской», поскольку «проекты Панина признавали за монархом обширную, в принципе неограниченную – суверенную – власть (“самовластие” или “право самодержавства”) и не предполагали ограничения власти монарха путем перераспределения его прерогатив в пользу коллективных или представительных органов» [19, с. 7, 8, 25]. Таким образом, К.Д. Бугров, стремясь избежать концептуальных анахронизмов, сам попадает в «ловушку слов», требуя от дворянского конституционализма XVIII века соответствия идеалам либеральных конституционалистов следующего столетия: действительно, Панину не могла прийти в голову идея учредить в России демократические представительные органы или писанную конституцию хотя бы потому, что они появились в Европе только после его смерти. Верно подметив, что «писания» Панина развиваются в русле «дискурса Монтескье» и направлены на установление «истинной монархии» [21, с. 32–43], исследователь не акцентировал внимания на том, что и для французского просветителя, как и для русского вельможи, современная Россия выступала как «деспотическое правление» (или, следуя терминологии позднего «Разсуждения о неперемennых законах», это была страна с вовсе «истребившейся» формой правления). Соответственно, установить здесь «монархию» означало ограничить «произвольную власть» деспота фундаментальными законами.

Вторая историографическая традиция, в той или иной мере признающая ограничительный характер панинских проектов, начинает формироваться в работах дореволюционных историков В.А. Бильбасова и Е.С. Шумигорского и в дальнейшем развивается в советской историографии Г.А. Гуковским, В.А. Петровой, И.Г. Рознером, Н.Я. Эйдельманом, П.С. Грацианским и др., а в зарубежной науке – И. де Мадариага и Д. Ранселом. Сейчас эта традиция находит поддержку в исследованиях М.М. Сафонова [22, с. 261–280], Л.Н. Вдовиной [23], А.Б. Плотникова [24, с. 74–84]. Однако в данной историографической традиции размежевания в оценках целей, характера и методов панинских проектов достаточно велики.

Так, В.А. Бильбасов был убежден, что Панин в 1762 г., «с намерением скрыть свою основную мысль, предлагает Екатерине проект императорского совета, учреждением которого, в конце концов, имелось в виду ограничение самодержавной власти», правда, вовсе не по «шведскому образцу», как считали историки до него. Бильбасов видит в Панине убежденного противника неограниченной монархии, пытаясь продемонстрировать, что в 1767–1768 гг. он «оказал «противодействие монархическому принципу» в лице прибывшего в Россию сторонника «просвещенного деспотизма» Ле Мерсье де Ла Ривьера [25, с. 159; 26, с. 24].

Е.С. Шумигорский вслед за публицистом П.С. Лебедевым [27] изображал Н.И. Панина и его деятельность в самых черных красках. Но, в отличие от Лебедева, он видит в нем не просто придворного интригана, а представителя партии «высшего военного и придворного дворянства, стремившейся к выделению дворянства из ряда сословий, обреченных на службу государству, и развитию его привилегий в ущерб другим сословиям». Панин, по мнению историка, «желал, прежде всего, дать дворянству политическое значение в государственной жизни России», он составил вместе с Тепловым проект Императорского совета «в сокровенных целях ограничения власти Екатерины по шведским, олигархическим образцам» [9, с. 14].

Марксистский подход к русской истории, в трактовке М.Н. Покровского, оказал значимое влияние на отечественное литературоведение 1920–30-х гг., в котором зачастую оценки общественного движения XVIII века приобретали крайние черты т. н. «вульгарного социологизма» (термин, изобретенный советскими критиками в 1930-е гг.). В частности, в работах Г.А. Гуковского теория «сословной монархии» Покровского получает свое развитие в концепции «дворянской фронды» второй половины XVIII века. Как известно, Покровский утверждал, что прогрессивный «торговый капитализм», воплотившийся в «буржуазных» реформах Петра I, был сметен «феодальной реакцией» в середине XVIII века. «Новый феодализм», по его мнению, нуждался в политической теории, которая логически обосновывала «распыление власти между помещиками. Должны были явиться попытки организовать этих маленьких государей хотя бы для того, чтобы изо дня в день отстаивать их интересы перед лицом большого государя, который <...> мог оказаться орудием социальных сил, дворянству чуждых». Соответственно, такие идеологи явились в лице Н.И. Панина и его последователей [28].

Хотя работа Гуковского написана накануне разгрома «школы Покровского», очевидно, что он использует ее схемы и терминологию. Гуковский подробно анализирует внутрдворянские отношения: у него не просто идет «помещичье наступление» на «петровскую государственную машину», а само дворянство делится на две группировки, «враждовавшие между собой». Он выделяет «дворянскую аристократию», наиболее культурно развитую, идеологи которой «требовали ограничения монархии, “деспотии”, по терминологии Монтескье, теориями которого они охотно пользовались»: «Они требовали, чтобы страной управляли потомки старых дворянских родов, получившие по наследству и культуру, позволяющую им разумно мыслить, и моральные устои, позволяющие им быть честными “слугами отечества”, и крупное земельное состояние, позволяющие им быть независимыми от милости или немилости царя». Но большинство дворянства не желало «усиления этой аристократии» и поддерживало «практику монархии», мелкое дворянство раздражала «социальная программа аристократов-фрондеров в области крепостных отношений», поскольку практиковавшие оброк крупные землевладельцы были заинтересованы в «реорганизации крепостного права», а жившие за счет барщины средние и мелкие помещики требовали «неприкосновенности всего крепостного права в целом». По мнению Гуковского, «литературным вождем группы либералов-крепостников, независимых феодалов был Сумаро-

ков, политическим – Никита Иванович Панин». Екатерина в начале своего царствования «заигрывает с либеральными аристократами», но, осознав, что они в меньшинстве, она отказывается от прежних принципов: «После упорной и длительной борьбы помещичья фронда была сломлена и разгромлена... Дворянские аристократы оказались зажатými между двух враждебных групп и были обречены на поражение» [10, с. 10, 6–7, 8–9].

Несмотря на крайний схематизм и страдающие анахронизмами суждения, работа Гуковского представляет интерес в своем конкретном анализе дворянской литературы и нахождении ее идейных связей с политической мыслью эпохи. В целом же выращенная на основе давно уже никем всерьез не воспринимаемых схоластических построений Покровского концепция «дворянской фронды», устаревшая и не соответствующая фактам, почему-то до сих пор некритично используется некоторыми историками. В 1940-е гг. сам Гуковский частично пересматривает свою концепцию, излагая свое видение общественно-политических течений эпохи в 4 томе «Истории русской литературы», где он противопоставляет течению «официального «просветительства» во главе с Екатериной II дворянское и демократическое просветительство. С 1760-х гг. в дворянской оппозиции «деспотизму» формируется два течения: аристократическое (М.М. Щербатов) и «открыто просветительское» (Н.И. Панин). Для мировоззрения «партии» дворян-либералов были характерны требования «замены самодержавия дворянской конституцией, ограничивающей власть монарха», и смягчения «крепостничества, введения в “законные” рамки взаимоотношений помещиков и крестьян» [29, с. 18, 20]. Подобные характеристики были представлены в работах советских литературоведов К.В. Пигарева и Г.П. Макогоненко [30, с. 134–135; 31, с. 198].

Сходные взгляды на «панинскую партию» развивают и марксистские историки общественно-политической мысли в 1940–1990-е гг. [32, с. 35; 33, с. 84–90; 34, с. 273–274; 35, с. 57–66; 36, с. 105–112]. В.И. Моряков противопоставляет истинному «просветительству» охранительное (Екатерина II) и умеренно-консервативное (Н.И. Панин) направления в русской общественной мысли второй половины XVIII века. Последнее направление он также называет «либеральным» и считает, что для него было характерно стремление к ограничению самодержавной власти, но не к «конституционной монархии», поскольку в либеральных «проектах монарх продолжал занимать центральное место и имел полное право принимать все важнейшие решения. Они выступали за сословную монархию, где дворянство было бы более приближено к управлению государством» [37, с. 58–59].

Подводя в 1980-е гг. итоги предшествующих работ советской историографии, П.С. Грацианский выделяет кроме официальной идеологии два течения «политической и правовой мысли – консервативно-аристократическое и либеральное», хотя он и признает термин «дворянский либерализм» неточным и не раскрывающим «специфики явления». Братья Панины и Е.Р. Дашкова выступают его главными представителями. Стремясь укрепить «господствующее положение дворянства» в условиях кризиса «феодально-крепостнической системы» в конце XVIII века (учения о котором создала советская историография в 1960-е гг.), они «выступали против чрезмерной самостоятельности дворянства» и «выдвигали проекты некоторого смягчения крепостного права» [38, с. 48]. Рассматривая конкретные планы Н.И. Панина, Грацианский полагает, что проект 1762 года прямо вел к конституции шведского образца, а также он некритично принимает на веру рассказ М.А. Фонвизина о содержании «конституционного проекта Панина–Фонвизина», только переносит датировку данного проекта с 1773–1774 гг. на 1782–1783 гг. Проект «фундаментальных законов» П.И. Панина (1784 г.) он оценивает как «феодально-крепостнический» [38, с. 80–82]. Наконец, Грацианский, по необоснованным причинам, прямо противопоставляет Д.И. Фон-

визина Н.И. Панину, относя писателя к просветительскому направлению конституционализма, в то время как его патрон выражал идеи «дворянского конституционализма». Для обоснования он приводит самые радикальные пассажи из «Рассуждения о неперменных законах», полагая, что эти «высказывания находятся в явном противоречии с умеренно-либеральной дворянской конституцией Н.И. Панина» [39, с. 248–259]. Л.Н. Вдовина хотя и полагает, что автором «Рассуждения» был Н.И. Панин, но «мотивы обличения столь сильны, а форма изложения так публицистична, что это лишний раз говорит о том, что писал под диктовку Н.И. Панина (а вероятно, и редактировал написанное) писатель Д.И. Фонвизин». Соглашаясь в целом с оценками Грацианского, исследовательница полагала, что «буржуазные по своему содержанию идеи Ш.Л. Монтескье на русской почве способствовали росту дворянского конституционализма с идеей легитимной монархии» [23; с. 46–47]. Сходные характеристики можно встретить и в популяризаторских публикациях А.В. Гаврюшкина [40] и Н.В. Минаевой [41, с. 71–91].

Вопрос о «потаенной конституции» Панина–Фонвизина был по-разному рассмотрен в работах Н.Я. Эйдельмана, М.М. Сафонова и Г.А. Лихоткина. Н.Я. Эйдельман, как и Грацианский, полагал ее существование вполне возможным и, в отличие от большинства современных историков, считал, что она связана с неудавшимся заговором 1773–1774 гг., сообщения о котором он рассматривает как достоверные [42, с. 116–118]. В отличие от него М.М. Сафонов прямо связывает создание конституционных актов с событиями 1783–1784 гг., хотя полагает, что сообщения М.А. Фонвизина, несмотря на искажения и неверную датировку, отражают сведения о реально существовавшем конституционном проекте, который не дошел до нас, но его содержание частично отражено в двух черновых записках великого князя Павла Петровича, обнаруженных исследователем. Он полагает, что умирающий Н.И. Панин и Д.И. Фонвизин создали не только известное «Рассуждение», но и сам проект «конституции», который, однако, не был передан П.И. Паниным цесаревичу Павлу. Петр Панин, не доверявший наследнику, утаил проект «конституции», опасаясь его крайних положений, вместо этого он заменил его своими, более умеренными проектами. Между тем самому Павлу эти положения были уже известны и зафиксированы в двух его записках 1783 г. [22]. Г.А. Лихоткин, незнакомый с исследованием Сафонова, утверждал, что Н.И. Панин не имеет никакого отношения к известным проектам Д.И. Фонвизина и П.И. Панина, и они были созданы уже после смерти воспитателя Павла, в 1784–85 гг. [43, с. 169–190].

А.Б. Плотников по-иному подошел к решению данной проблемы. Он полагает, что главная ошибка предшествующих историков заключается в том, что «они принимали сообщение М.А. Фонвизина о “конституции” за изложение содержания реально существовавшего документа», между тем в передаче декабриста картина конституционной монархии «явно близка к политическим представлениям времени декабристов», а не к взглядам Н.И. Панина. В действительности «Д.И. Фонвизин вообще не составлял никакого дополнения к “Рассуждению”», после смерти Н.И. Панина проекты манифестов и «фундаментальных законов» написал его младший брат Петр. Соответственно, никакой «потаенной конституции» не существовало, все бумаги «панинской партии» нам известны, но «документы 1780-х годов, вышедшие из “лагеря” Паниных, к сожалению, не представляют собой целостного проекта» [24, с. 76, 80]. Оценивая общий характер этих планов, А.Б. Плотников утверждает, что Н.И. Панин «искал компромиссные варианты по отношению к самодержавному принципу, верно улавливая при этом логику развития государственных учреждений. Если его планы 1762 г. еще несут в себе элементы формального ограничения императорской власти <...>, то содержание документов 1780-х годов уже нацелено исключительно на создание механизма сдерживания». По мнению исследователя, самодержавие, «отказав-

шись, таким образом, даже от минимальной степени либерализации механизма государственной власти», сделало свой исторический выбор, утратив «способность к конституционному самореформированию» уже в начале XIX века [24, с. 81–82].

В зарубежной историографии в целом сложилось представление о Н.И. Панине как о «confirmed constitutionalist» [44, р. 121]. Как отмечает Исабель де Мадарьига, «учитывая все данные, пусть и немногочисленные, действительно можно считать, что Панин и вправду добивался конституционных изменений центрального управления в России» [45, с. 82]. Наиболее полное исследование деятельности Панина принадлежит Дэвиду Ранселу, применившему новаторские подходы к русской истории XVIII века. В своей докторской диссертации и в целом ряде статей Рансел сумел продемонстрировать слабости концепции «дворянской фронды» и в то же время высказал сомнения относительно ограничительных планов Панина [46; 47, р. 443–464; 48, р. 10–28]. Он полагал, что проекты Панина были оружием в придворной борьбе и вели к укреплению позиций панинской группировки, а сам граф оставался «столпом» абсолютистского режима [46]. Однако в своей монографии «Политическая жизнь екатерининской России: панинская партия» он более взвешенно подошел к вопросу о политической позиции Н.И. Панина [49]. Если в ранних работах он настаивал, что панинские проекты не имели каких-либо ограничительных тенденций [48, р. 13], а были связаны исключительно с конкретными обстоятельствами борьбы за власть, то в более поздней монографии его подход к проблеме более диалектичен. Рансел на примере «панинской партии» раскрывает роковой для русских реформаторов екатерининской эпохи дуализм, порождавший противоречия в их политической деятельности. С одной стороны, они стремились к рационализации политической системы в целом, на основах законности и права. Но, с другой стороны, они не могли действовать в существующей системе отношений, не используя старые, уходящие в московские времена, социальные паттерны — прежде всего патроно-клиентские отношения. Американский историк утверждает: «Если бы был воплощен тот тип совета, который Панин предлагал в 1762 г. — это бы продвинуло Россию в направлении конституционного правления и легальных отношений». Принципы, разработанные Паниным в проекте 1762 г., стали «важным вкладом в долгосрочное развитие легального сознания и конституционализма в России», а в проектах начала 1780-х гг. Панин вновь «вернулся к своей критике произвольной власти и развил полноценную конституционную программу». Однако, по мнению Рансела, «ориентация на реформы легальной природы была всегда вторична по отношению к властным интересам соперничающих политических фракций». Поэтому «панинская партия», направлявшая императрицу в русло конституционных реформ, опиралась на «личные и семейные клиентские сети» и стремилась «монополизировать как можно больше ключевых постов для своих клиентов и сместить с них представителей соперничающих группировок», тем самым еще более «усиливая традиционную систему патронажа», с которой она боролась в своих проектах [49, р. 137–138].

Согласно Ранселу, никакой борьбы Екатерины II и «панинской партии» за реформы в 1760-е гг. просто не было: он скрупулезно и весьма убедительно критикует устоявшуюся концепцию «дворянской фронды», демонстрируя, что в это время Н.И. Панин фактически возглавлял правительство и пользовался практически безоговорочной поддержкой императрицы. Но с 1770-х годов он и его клиенты оттесняются с важнейших постов сторонниками лидирующей «партии» Г.А. Потемкина. Утерев господствующие позиции, в 1770–80-е гг. «партия Панина» обрушивается с критикой на режим Екатерины, создавая негативный образ самой императрицы и ее политики. Эта критика оказала значимое влияние как на воспитанника Панина — будущего императора Павла, так и на историографическую традицию в целом.

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии существует сложившийся набор оценок и мнений, большинство из которых варьируются и повторяются с конца XIX века с теми или иными существенными дополнениями. Представляется, что выход из замкнутого круга, очерченного одними и теми же источниками, лежит в обращении к изучению терминологии эпохи, необходимому для осознания истинных целей реформатора: понять значение панинских проектов можно, только обратившись к тому семантическому и социально-политическому контексту, в котором вызрели идеи Н.И. Панина.

Библиографический список

1. Фонвизин Д.И. Жизнь Графа Н.И. Панина (1784) // Д.И. Фонвизин. Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2.
2. Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Т. 4.
3. Терещенко А.В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Т. 2.
4. Лунин М.С., Муравьев Н.М. Разбор Донесения Тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году (1839 г.) // Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1987.
5. Фонвизин М.А. Записки Михаила Александровича Фонвизина // Русская Старина. 1884. Т. 42. № 4.
6. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 томах. Том 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956.
7. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Г.В. Плеханов. Сочинения. Т. 22. М.; Л., 1925.
8. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве МИД (1744–1765) // Сборник РИО. Т. 7. СПб., 1871.
9. Шумигорский Е.С. Император Павел I. СПб., 1907.
10. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х гг. М.; Л., 1936.
11. Словьев С.М. Сочинения. М., 1994. Кн. 13.
12. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 5.
13. Чечулин Н.Д. Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II. СПб., 1894.
14. Raeff M. Plans for Political Reform in Imperial Russia (1730–1905). New Jersey, 1966.
15. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.
16. Омельченко О.А. Императорское собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской): исторический очерк. Документы. М., 2001.
17. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999.
18. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003.
19. Бугров К.Д. Идеология и политический лексикон реформаторских проектов Н.И. Панина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.
20. Бугров К.Д. «Самодержавная власть» в «умеренной монархии»: к характеристике реформаторского проекта Н.И. Панина 1762 г. // Платоновские чтения: материалы и доклады XV Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2009.

21. Бугров К.Д. «Дискурс Монтескье»: роль интеллектуальных заимствований в политических проектах Н.И. Панина // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4 (66). Серия 2. Гуманитарные науки.
22. Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 6. Л., 1974.
23. Вдовина Л.Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М. 1995.
24. Плотников А.Б. Политические проекты Н.И. Панина // Вопросы истории. 2001. № 7.
25. Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. 2.
26. Бильбасов В.А. Никита Панин и Мерсье де Ла-Ривьер (1762–1767) // Исторические монографии. СПб., 1901. Т. 4.
27. Лебедев П.С. Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1863.
28. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен до смутного времени. М., 1896. Ч. 2. Гл. XI.
29. Гуковский Г.А., Макогоненко Г.П. Основные течения общественной мысли 1760–1780-х годов // История русской литературы: в 10 т. Т. 4. Литература XVIII века. Ч. 2. М.; Л., 1947.
30. Пигарев К.В. Творчество Фонвизина. М., 1954.
31. Макогоненко Г.П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.; Л., 1961.
32. Преснов А.А. Общественная мысль России в конце XVIII века // Исторический журнал. 1938. № 9.
33. Нечкина М. В. Движение декабристов. М. 1955. Т. 1.
34. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.
35. Петрова В.А. Политическая борьба вокруг сенатской реформы 1763 года // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. История, язык, литература. 1967. № 8.
36. Рознер И.Г. Придворные круги накануне и во время крестьянской войны 1773–1774 гг. // Вопросы истории. 1974. № 4.
37. Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века. М., 1994.
38. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII века. М., 1984.
39. История буржуазного конституционализма XVI–XVIII вв. М., 1983.
40. Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989.
41. Минаева Н.В. Никита Иванович Панин // Вопросы истории. 2001. № 7.
42. Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать. М., 1984.
43. Лихоткин Г.А. К вопросу об атрибуции и датировке «Рассуждения о непременных государственных законах» // XVIII век. Сб. 17 / Институт русской литературы РАН. СПб. 1991.
44. Dixon S. Catherine the Great. L., 2010.
45. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
46. Ransel David L. Nikita Panin's Role in Russian Court Politics of the Seventeen Sixties: A Critique of the Gentry Opposition Thesis. Ph. D. diss. Yale University, 1968.
47. Ransel D. Nikita Panin's Imperial Council Project and the Struggle of Hierarchy Groups at the Court of Catherine II // Canadian Slavic Studies. IV. No. 3. (Autumn, 1970).
48. Ransel D. Catherine II's Instruction to the Commission on Laws: An Attack on Gentry Liberals? // The Slavonic and East European Review. Vol. 50. No. 118 (Jan. 1972). P. 10–28.
49. Ransel David L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. Yale University Press, 1975.

*S.V. Polskoy****THE CHARACTERISTICS OF NIKITA PANIN'S POLITICAL PROJECTS IN
RUSSIAN AND WESTERN HISTORIOGRAPHY**

The article views the historiography of question about the character and aims of political projects of Nikita Panin and his supporters.

Key words: N.I. Panin, Catherine II, aristocratic constitutionalism, social and political thought in Russia of the XVIII century.

* *Polskoy Sergey Viktorovich* (s.polskoy@gmail.com), the Dept. of Theory and History of Culture, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.